

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ЕГО “НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ”.
145 ЛЕТ ФИЛОСОФУ, 95 ЛЕТ КНИГЕ»

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 5 декабря 2019

Подготовка текста, предисловие, послесловие Н.И. Герасимова

Своеобразный отечественный публикационный бум 1990-х гг. создал к концу к 2010-х гг. иллюзорное представление о том, что большинство ключевых текстов эмигрировавших литераторов, ученых и философов теперь доступны читателям, а значит, уже можно подвести итог: одни русские интеллектуалы по своей природе были успешными, а другие — нет. Успех, таким образом, часто понимался как совокупность положительных и отрицательных отзывов — т.е. об авторе говорят, его замечают, о нем спорят. За мнимой очевидностью идеи успеха всегда таится ложное понимание исторических событий с точки зрения социального детерминизма, когда философ или литератор успешен лишь потому, что его читают. Переводы и переиздания сочинений того или иного мыслителя становятся количественным индикатором успеха и своего рода персональной культурной доминации.

Каждое научное мероприятие, посвященное Н.А. Бердяеву, в очередной раз поднимает проблему успеха: почему русскому эмигранту удалось стать всемирно известным философом и что, возможно, помешало ему превратиться в классика философии уровня М. Хайдеггера, О. Шпенглера, Ж.-П. Сартра и других современников [Бадовский 2015, Михайлов 2017]. С одной стороны, ему посчастливилось встать у истоков персонализма и экзистенциализма, с другой — его имя не так известно в мире, как имена тех, на кого он повлиял прямо (Э. Мунье, Ж. Маритен) или косвенно (А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.). Виной ли тому, что Н.А. Бердяев, желая быть услышанным в мире, в то же время был одной из ключевых фигур русской диаспоры первой половины XX в.? Если это так, то почему, например, И.А. Бунин, не разрывая связи с культурой русского зарубежья, стал классиком мировой литературы? Проблема успеха таит в себе еще более важный вопрос: если философ или литератор был успешен, то что собой представляет его влияние на других? Было ли это влияние массовым или направленным на определенные социальные группы? Посредством чего это влияние происходило? Только ли дело в сочинениях?

Друг Н.А. Бердяева Л.И. Шестов писал: «Бердяев является несомненно первым из русских мыслителей, умевших заставить себя слушать не только у себя на родине, но и в Европе» [Шестов 1938]. Один из первых отечественных исследователей

творчества русского философа В.А. Кувакин¹ замечает, что «Бердяев принадлежит к разряду выдающихся мыслителей российской и мировой философии» [Кувакин 2006, с. 429]. Заслуги Н.А. Бердяева признают не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Ч.Ф. Копплстон в своей книге «Философия в России (от Герцена до Ленина и Бердяева)» писал, что «Бердяев, несомненно, наиболее широко переводимый и читаемый из русских философов в изгнании» [Копплстон 1998, с. 160]. Известный британский историк философии прав — Н.А. Бердяев относится к числу тех эмигрантов, кто получил всемирное признание. Вместе с тем, как и почему это произошло — до конца неизвестно. Тезис «Это понятно. Его философия антропоцентрична, он ищет смысл жизни; он подходит к философским проблемам через их значение и отношение к человеческому существованию» [Там же] для современного научного сообщества является не более чем общим местом. Любая попытка «говорить» от лица массового читателя первой половины XX в., даже используя метод эмпатии В. Дильтея — не более чем мысленный эксперимент. Предположение Д.Б. Ричардсона, что в XX в. в силу объективных политических причин философия истории была востребована как никогда, а наблюдаемый в работах Н.А. Бердяева синтез историософии и философии жизни (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше) был новаторским решением в изобретении экзистенциального прочтения исторических событий [Richardson 1968, p. 90–137], является типичным примером решения вопроса о бердяевском успехе посредством обращения к эволюции философского знания в ее сопряжении с политической историей как целым. Такой подход, безусловно, нужен, однако и он не в силах решить проблему. Историко-филологическое исследование Т.В. Марченко, проясняющее «нобелевский» сюжет в интеллектуальной биографии русского философа, стоит считать одним из важных прорывов в изучении Н.А. Бердяева как самостоятельного духовного феномена своего времени [Марченко 2017, с. 442–473]. На примере «нобелевского дела» мыслителя мы видим, что экспертное мнение часто страдает оценочными суждениями, в основе которых преобладает вкусовщина — то, что нравится одному, совершенно не нравится другому. Вместе с тем мы видим силу идеи, когда она завладевает человеком. Шведский философ А. Нюман в течение нескольких лет боролся за то, чтобы творчество Н.А. Бердяева получило высокую оценку со стороны Нобелевского комитета. Знал ли об этом сам Н.А. Бердяев? Нет. Русский философ, если верить его собственным воспоминаниям, владел информацией на уровне слухов.

Выход в свет книги «Новое средневековье. Рассуждения о судьбе России и Европы» (1924) ознаменовал новый этап в творческой эволюции Н.А. Бердяева. Только при жизни автора это небольшое сочинение в жанре философского эссе было переведено на 14 языков. В 1920–30-х гг. оно ценилось не менее, чем «Закат Европы» (1918) О. Шпенглера. Книга, полная одновременно и эсхатологии, и надежды на будущее, не только прославила своего автора в западноевропейском мире, но и во многом позволила состояться судьбоносному знакомству — Н.А. Бердяева с П. Андерсоном, секретарем англо-американской протестантской

¹ Автор первой научной монографии в СССР, посвященной философии Н.А. Бердяева: [Кувакин 1976].

организации YMCA. Именно YMCA в дальнейшем спонсировала большую часть творческих проектов русского философа, предоставив ему руководить издательством «YMCA-Press» и издавать русскоязычный философский журнал «Путь». В философском смысле «Новое средневековье» нельзя назвать самым удачным произведением мыслителя, но именно оно определило его дальнейшую жизнь в эмиграции.

Поразительно, но русскоязычных научных биографий Н.А. Бердяева не так много по сравнению с количеством историко-философских, историко-культурных и философско-правовых исследований его творчества. Жизнь русского философа как целое рассматривается в отечественных монографиях А.В. Вадимова [Вадимов 1993], О.Д. Волкогоновой [Волкогонова 2010] и Н.И. Герасимова [Герасимов 2019]. В период 1993–2019 гг. было выпущено всего три биографии². Вместе с тем только за 2019 г. системой elibrary.ru зафиксировано 100 научных публикаций³, в которых так или иначе осмысливается не жизнь, а идеи русского мыслителя⁴. Для академического сообщества не секрет, что история жизни русского философа-эмигранта полна трагических, авантурных и загадочных сюжетов, требующих пристального внимания со стороны современных ученых. Почему же исследователи склонны в большей степени изучать концепции Н.А. Бердяева, а не историю его жизни? Частичный ответ дает сам русский философ в «Самопознании» (1949), книге, написанной в нетривиальном жанре экзистенциальной автобиографии. Н.А. Бердяев стремился создать философию, предметом которой была бы сама жизнь человека, а не смысл бытия (М. Хайдеггер) или смысл истории (О. Шпенглер). В своем стремлении он дошел до крайних пределов сближения философии и публицистики, в основе которой, как нетрудно догадаться, лежал непосредственный экзистенциальный опыт переживания всех исторических событий, начиная с Первой мировой войны, продолжая русской революцией, заканчивая становлением русской интеллектуальной диаспоры в Европе в 1920–30-х гг. Многие эмигрантские сочинения философа часто выполнены в жанре развернутого эссе, потому что так легче всего осмысливать отвлеченные интеллектуальные сюжеты через личные экзистенциальные акты переживания (чувство абсурда, ощущение «обреченности на свободу» и т.д.). При внимательном чтении текстов Н.А. Бердяева, особенно в период его эмиграции, у исследователя невольно может сложиться впечатление, что речь идет, к примеру, не только о тех или иных метафизических и историософских идеях, но и о том, как интимно эти идеи переживает сам автор. Философские статьи мыслителя часто полны разного рода отступлений,

² Вышедшую в 2001 г. книгу О.Д. Волкогоновой «Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография» стоит понимать как текст, который после ряда несущественных дополнений был выпущен в 2010 г. отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», см.: [Волкогонова 2010]. Научные комментарии к публикациям писем Н.А. Бердяева (например, [Барас 1981]) хоть и представляют несомненную ценность, все же не являются результатом исследования жизни Н.А. Бердяева как целостного феномена.

³ К числу наиболее выдающихся научных публикаций по теме в 2019 г. относятся работы [Антонов 2019; Апинтилиесей 2019].

⁴ URL: <https://www.elibrary.ru> (дата обрац. 11.06.2020).

в которых осмысливаются его личные отношения с людьми и миром⁵. Таким образом, есть основания предполагать, что у многих историков философии вполне может быть представление о философских текстах Н.А. Бердяева как о «зеркале» его собственной жизни. В таком случае ценность интеллектуальной биографии мыслителя может показаться заметно меньше по сравнению с биографиями его коллег-современников, которые стремились разделять в своем творчестве философию и собственные личные размышления о счастье, одиночестве и любви (Э. Гуссерль, Б. Рассел и др.). Изучение биографии и философии Н.А. Бердяева — задача сложная. В помощь исследователю идет все: и эпистолярное наследие мыслителя, и обширная научная историография, и даже художественная литература [Макушинский 2020].

Н.А. Бердяев — сложный для философского осмысления феномен. Нельзя с точностью сказать, что стало причиной успеха сочинений русского философа. Очевидно только одно — Н.А. Бердяев относится к такому типу мыслителей, изучение творчества которого требует особой исследовательской оптики. Возможно, при рассмотрении этой проблемы уместно говорить о схожем со структурным «микро-анализом» М. Фуко исследовательском подходе, когда концептуальные и биографические сюжеты сквозь призму вполне небольшой предметной области проясняют целый спектр интересующих нас вопросов. Не стоит забывать и об онтологической герменевтике М. Хайдеггера, предлагающей осмысливать то или иное явление через соотнесение целого и части. Применительно к творчеству Н.А. Бердяева — корпус сочинений мыслителя, культурная эпоха, в которую этот корпус создавался, а также отдельно взятое произведение. Несмотря на то что в 2019 г. было проведено не одно научное мероприятие, посвященное жизни и творчеству русского философа⁶, инициативная группа литературно-философских собраний «Отражения» тоже решила продолжить эту линию встреч и организовать круглый стол, в рамках которого обсуждалось конкретное сочинение Н.А. Бердяева в контексте других его философских работ. По ряду причин, о которых можно узнать из стенограммы заседания, было выбрано «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы» (1924). Приведенный ниже текст лишний раз доказывает, что дискуссионность вопросов, которые поднимает в своих работах Н.А. Бердяев, — обратная сторона его философского таланта.

⁵ «Меня часто плохо понимают и моему мирозерцанию дают самые противоположные характеристики. В этом виноват, вероятно, и я сам. Я объясняю непонимание тем, что я мыслю антиномиями, противоречиями, парадоксами, трагическими конфликтами. Делаю я это вследствие моего абсолютного убеждения в том, что лишь антиномически-парадоксальное мышление соответствует структуре мира и даже глубине бытия. Поэтому невозможно мыслить о мире ни исключительно пессимистически, ни исключительно оптимистически. Должен прибавить во избежание недоразумений, что я не богослов, я философ и язык мой иной, чем язык богословский» ([Бердяев 1935, с. 31]).

⁶ Круглый стол «Николай Бердяев: Sub specie aeternitatis. (К 145-летию выдающегося русского философа XX в.). Минск (Республика Беларусь). Институт философии НАН Беларуси. 23 апреля 2019 г.; Выставка «Николай Бердяев: 145 лет со дня рождения». Москва. Российская национальная библиотека. 15 марта — 14 апреля 2019 г.; Круглый стол «Сын свободы. Вечер памяти Николая Бердяева. К 145-летию со дня рождения». Москва. Свято-Филаретовский православно-христианский институт. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. 28 марта 2019 г.

Литература

- Аляев, Резвых, 2017 — *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* «Одно и то же зло кроется в стремлениях противоположных партий». Два неизвестных доклада Семена Франка о России и революции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 1. С. 148–160.
- Антонов 2019 — *Антонов К.М.* Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н.А. Бердяева // Философия религии: аналитические исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 57–78.
- Апинтилиесей 2019 — *Апинтилиесей К.К.* «Личность» и «Общение»: от Бердяева к Мунье // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 132–141.
- Бадковский Д.В. 2015 — *Бадковский Д.В.* К читателю. Третий форум «Бердяевские чтения 2015» в Калининграде // Полис: Политические исследования. 2015. № 3. С. 7–11.
- Барас 1981 — *Барас Д.* Письма молодого Бердяева // Память: Исторический сборник. Вып. 4. Париж: YMCA, 1981. С. 211–248.
- Бердяев 1935 — *Бердяев Н.А.* О христианском пессимизме и оптимизме // Путь. 1935. № 46.
- Бердяев 1994 — *Бердяев Н.А.* Новое средневековье // Николай Бердяев: Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 544.
- Бицилли 1917 — *Бицилли П.М.* Основы социализма. Одесса, 1917. 45 с.
- Богданов 1903 — *Богданов А.А.* Новое средневековье // Образование. 1903. № 3. С. 1–28.
- Богданов 1906 — *Богданов А.А.* Из психологии общества. 2-е изд. СПб.: Паллада, 1906.
- Вадимов 1993 — *Вадимов А.В.* Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1993. 287 с.
- Волкогонова 2010 — *Волкогонова О.Д.* Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. 388 с.
- Герасимов 2019 — *Герасимов Н.И.* Николай Бердяев, 1874–1948. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2019. 96 с.
- Иванов 1971 — *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 7 т. Брюссель, 1971. Т. 2. 807 с.
- Исход к Востоку 1921 — Исход к Востоку. Предчувствия и свершения / ред. П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский. София, 1921. 125 с.
- Коплстон 1998 — *Коплстон Ф.Ч.* Философия в России (от Герцена до Ленина и Бердяева) / пер. Е.Н. Бутузкиной // История философии. 1998. № 2. С. 160.
- Краснов 1922 — *Краснов П.Н.* За чертополохом: Фантастический роман. Берлин: О. Дьякова, 1922.
- Кувакин 1976 — *Кувакин В.А.* Критика экзистенциализма Бердяева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
- Кувакин 2006 — *Кувакин В.А.* Мыслители России: Избранные лекции по истории русской философии. М.: Рос. гуманист. об-во, 2006. 480 с.
- Макушинский 2020 — *Макушинский А.А.* Предместья мысли. Философическая прогулка. М.: Эксмо, 2020. 212 с.
- Марченко 2017 — *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 673 с.
- Мать Мария 2019 — *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.).* Россия и эмиграция: Жития святых; Религиозно-философские очерки; Ранняя публицистика; Письма и записные книжки / сост. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2019. 808 с.
- Михайлов 2017 — *Михайлов Р.В.* Миссия России в Азии: «Бердяевские чтения» во Владивостоке // Полис: Политические исследования. 2017. № 3. С. 179–191.
- Стендаль 1978 — *Стендаль А.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Правда. 1978. 154 с.
- Трубецкой 1929 — *Трубецкой Н.С.* У дверей. Реакция? Революция? // Евразийский сборник. Берлин, 1923. Кн. 3. С. 18–29.

- Шенталинский 1990 — *Шенталинский В.* Удел величия // Огонек. 1990. № 45.
- Шестов 1938 — *Шестов Л.И.* Николай Бердяев (гнозис и экзистенциальная философия) // Современные записки. 1938. № 67. С. 196–230.
- Эко 1994 — *Эко У.* Средние века уже начались / пер. с итал. Е. Балаховской // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 257–268.
- Clement 1991 — *Clement O.* Berdiaev — Un philosophe russe en France. P.: Desclée de Brouwer, 1991. 241 p.
- Reisman 1961 — *Reisman G.* The Revolt Against Affluence: Galbraith's Neo-Feudalism. N. Y.: The Objectivist Inc., 1961. P. 1–7.
- Richardson 1968 — *Richardson D.B.* Berdyaev's Philosophy of History: An Existentialist Theory of Social Creativity and Eschatology. Hauge: Martinus Nijhoff Publishers, 1968. 192 p.
- Vacca 1971 — *Vacca R.* Il medioevo prossimo venturo. Milan: Arnoldo Mondadori Editore, 1971. 204 p.
- Weil S. Attente de Dieu. P.: Fayard. 2005. 256 p.

Участники круглого стола:

Герасимов Николай Игоревич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Марченко Татьяна Вячеславовна — доктор филологических наук, заведующий отделом культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Ермишин Олег Тимофеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Гачева Анастасия Георгиевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького, главный библиотекарь Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова

Ликвинцева Наталья Владимировна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Ермишина Ксения Борисовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Макарова Анна Федоровна — научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Гришатова Юлия Федоровна — аспирант кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Васильева Мария Анатольевна, кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

Барашков Виктор Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Дамте Давид Соломонович, кандидат философских наук, научный редактор издательства «Дело» РАНХиГС

Н.И. Герасимов

Сегодняшний вечер посвящен Николаю Александровичу Бердяеву, которому в этом году исполнилось 145 лет. 145 лет философу исполнилось, конечно, не в декабре, а в марте, но мы решили сфокусироваться не только на самой личности Николая Александровича, но и на его отдельной книге. Эта книга небольшая. Речь идет о «Новом средневековье». Немного о причинах выбора книги для обсуждения: во-первых, эта книга стала отправной точкой в эволюции взглядов Нико-

лая Александровича как философа мирового значения, во вторых — мы мыслили чисто технически и прагматически, ведь книга небольшая, многие ее если и не читали, то точно слышали о ней, а если не слышали, то наверняка где-то встречали цитаты. Коллеги поддержали мою идею — и мы вот так своеобразно решили отметить день рождения Николая Александровича Бердяева. В конце декабря, да, но это символично, потому что сегодня речь пойдет о сумеречном — поэтому провожать 2019 г. лучше всего с книгой про «новое средневековье».

Т.В. Марченко

Или начинать новый год!

Н.И. Герасимов

Да! Или начинать новый год! Пожалуй, уйду от общих слов к своей небольшой презентации. Я сейчас буду говорить в меньшей степени о Николае Александровиче Бердяеве, потому что о нем сегодня еще обязательно пойдет речь. Мною подготовлен небольшой доклад «Новое средневековье: очень короткая история идеи». Понятно, что в рамках 5–10 минут рассказать о самой идее «Нового средневековья» невозможно, но, тем не менее, в общих чертах наметить общий концептуальный контур все же нужно. Ключевое слово в названии моего доклада — «очень». Когда мы планировали сегодняшний вечер, то решили, что концепт «Нового средневековья» представим все-таки как нечто имеющее отношение к современности, а не как философскую эфемериду, которая странным образом возникла в начале XX в., а потом так же странно испарилась. Нет, мы хотели актуализировать это понятие, показать на его примере, что многое из культурного наследия русской эмиграции отражается в нашей современной жизни, во всем, что мы видим вокруг: в литературе, философии, публицистике и даже массовой культуре. После этой необходимой преамбулы перехожу к обсуждаемому сочинению.

В беспокойное время рубежа XIX–XX вв. многие русские философы увлекались марксизмом. Н.А. Бердяев, разумеется, не был исключением. Он только-только начал карьеру публициста и мыслителя с социал-демократическими взглядами и тут же, вполне логично, стал жертвой политических репрессий. Николай Александрович участвовал в большой студенческой демонстрации в Киеве в 1897 г. Даже если вы легальный марксист¹, как Н.А. Бердяев, вы обязательно рано или поздно попадете под прицел жандармского управления. Так произошло и с нашим героем — за совокупный вклад в популяризацию марксизма на территории Российской империи юный мыслитель был приговорен к ссылке в Вологду. В Вологде он встречается с А.А. Богдановым и А.В. Луначарским. Сосланные в небольшой город революционеры и интеллигенты, симпатизирующие социализму, не скучали — они упражнялись в искусстве философского диспута. Ненавидящий уже тогда пози-

¹ Легальный марксизм — общественно-политическое течение русского марксизма 1880–1905 гг., представители которого публиковались в разрешенной правительством печати. Приветствуя реформизм, но отвергая революцию, легальные марксисты предлагали использовать социально-экономическую концепцию К. Маркса для изучения существующих в России общественных проблем. К числу влиятельных представителей этого течения относились С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве.

тивизм Н.А. Бердяев выступил против А.А. Богданова и А.В. Луначарского, которые к позитивизму относились терпимо (но не без доли критики). К сожалению, в те годы Николай Александрович еще не обладал тем развитым этико-эстетическим чувством, которое будет его спасать всю дальнейшую жизнь. Его попытки защитить антипозитивистскую позицию разбивались банально о незнание фактического материала. Позднее Н.А. Бердяев там же, в ссылке, уходит в сторону от марксизма и находит себя заново в литературно-философских дискуссиях (где уже начинали обсуждаться проблемы идеализма). В 1903 г. в журнале «Образование» А.А. Богданов публикует свою статью «Новое средневековье», критический очерк в адрес философии Н.А. Бердяева [Богданов 1903]. В 1906 г. этот текст был расширен и помещен в книгу «Из психологии общества» [Богданов 1906]. О чем была эта брошюра? А.А. Богданов рассуждает, что вот были два марксиста — Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков; почему-то они решили пойти по пути религиозного идеализма; что это за новое средневековье? По А.А. Богданову, религиозный идеализм — это нечто несовременное, аксиологически противоположное прогрессу. Интерес к идеализму в эпоху стремительного развития науки и марксистской философии для человека XX в. аномален. Средневековье, «новое» оно или «старое», есть синоним тьмы человеческого незнания. Интерес Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова к идеалистической философской традиции А.А. Богданову просто непонятен.

Пару слов стоит сказать о том, как понимают Средневековье П.А. Флоренский и С.Л. Франк. П.А. Флоренский выступает с критикой религиозного номинализма (на стороне реализма), подражая средневековым трактатам, в которых осмысливалась проблема универсалий². Себя он называет человеком средневекового типа. Действительно, П.А. Флоренский разделяет людей на тех, кто по своей натуре принадлежит к Средневековью, и на тех, кому ближе Ренессанс. Человек средневекового типа восхищается иерархией и красотой замкнутых сообществ. Средневековой культуре свойственны синтетичность, коллективность, в то время как культура Ренессанса превозносит идеалы индивидуализма и аналитического знания [см.: Шенталинский 1990, с. 26]. В сочинениях С.Л. Франка нет подобных рассуждений, зато есть концепция конца новой истории, после которой начнется новая эпоха, аксиологически противоположная новоевропейской культуре. Разумеется, Николай Александрович не был первопроходцем, но именно его «маленькая скромная брошюрка», вышедшая в 1924 г., стала отправной точкой в стремительном развитии концепции «нового средневековья». В том же году П. Андерсон, представитель YMCA, предлагает Н.А. Бердяеву сотрудничество, а позднее и материальную поддержку. Английские и американские протестанты видят в русском философе человека, который поможет им наладить диалог с эмигрировавшими из России литераторами, мыслителями и богословами.

Очевидно, что «Новое средневековье» не является антиутопией (или утопией) в литературном смысле слова. Вместе с тем лежащие в ее основе идеи вполне

² Проблема универсалий — центральная проблема теологических дискуссий западноевропейской схоластики IX–XIV вв. Реалисты утверждали, что объективно существуют сущности, которые обобщают и наделяют реальностью окружающие нас вещи, в то время как номиналисты признавали самостоятельную реальность единичных вещей, понимая под универсалиями лишь понятия и термины, а не сущности.

могли вдохновлять писателей-фантастов. Первое (1932) издание книги О. Хаксли «О дивный новый мир» любопытно тем, что в эпиграфе мы читаем знакомые строки из «Нового средневековья»: «Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления <...> Утопии осуществимы. <...> Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее “совершенному” и более свободному обществу» [Аляев, Резвых, 2017, с.150]. Несмотря на то что Николай Александрович сам вряд ли бы когда-нибудь решился написать нечто подобное художественным прозрениям О. Хаксли, Р. Брэдбери или Дж. Оруэлла, смею предположить, что свой вклад в жанр антиутопии, хоть и косвенно, он все же сделал. Несколько десятилетий образ Средневековья как инструмент анализа современности не используется в интеллектуальной культуре.

Однако в 1971 г. ситуация меняется. Выходит в свет работа Р. Вакка «Ближайшее средневекового будущего» [Вакка 1971], в котором итальянский мыслитель говорит о «кризисе больших систем», свойственных Новому времени, что именно этот кризис приведет нас к отказу от больших проектов (мировая революция, научно-технический прогресс и т.д.) в пользу небольших социокультурных структур. Монашеская, изолированная от внешнего мира община станет моделью будущих интеллектуальных сообществ, где будет происходить «консервация знания». Что имеется в виду? Р. Вакка считает, что основное свойство будущего мира — перманентные катаклизмы. В таких условиях никакой светский университет не сможет сохранить накопленные человечеством знания. Лишь сеть небольших сообществ, ставящих перед собой цель, в первую очередь, защиты знания, а не его преумножения. Только они смогут выжить в качестве интеллектуальных центров. В 1994 г. У. Эко пишет большое эссе «Средние века уже начались» [Эко 1994] как ответ на работу Р. Вакка. В ней он критикует пессимизм итальянского мыслителя, полагая, что:

— наша современность уже движется к средневековью. Из наблюдаемых культурных процессов вовсе не выводится эпоха катаклизмов.

— средние века настанут, только когда мы сами сконструируем формирующую их социально-политическую реальность.

Близкая к идее «нового средневековья» концепция неофеодализма, представленная работами социологов Дж. Гэлбрэйта³, И. Валлерстайна⁴ и К. Ширинга⁵,

³ Гэлбрэйт Джон Кеннет (Galbraith; 1908–2006) — канадский экономист и социолог. Представитель посткейнсianской традиции в экономической науке. Исследователь эволюции экономических институтов и технологий. Автор таких научных трудов, как «Американский капитализм» (1952), «Новое индустриальное государство» (1967). Концепция неофеодализма Дж. Гэлбрэйта не раз подвергалась критике со стороны американских социологов (см.: [Reisman 1961]).

⁴ Валерстайн Иммануил Мариус (Wallerstein; 1930–2019) — американский социолог, 13-й президент Международной социологической ассоциации (1994–1998). Представитель постколониальной теории. Коллега и друг таких левых интеллектуалов, как Н. Хомский и Ш. Бурдьё. Интерпретировал современный капитализм как новый виток в развитии феодализма. Автор работы «Современная мировая система» (1974).

предлагает описывать современность, используя тот терминологический аппарат, который мы обычно используем при разговоре о социально-экономической структуре средневекового общества. Если попытаться сформулировать основные идеи такой нетривиальной социологической теории и попытаться уместить их в несколько тезисов, то получится следующее:

— «изнанка» современного мира таит в себе социальные механизмы, устроенные по модели средневековых институтов;

— с каждым годом мы видим, как обесценивается идея гражданства. Все больше и больше охрана общественного порядка воспринимается как услуга, а не как гражданская ответственность.

— корпоративная этика больших фирм эволюционирует в сторону этики вассальной зависимости. Дочерние компании подчиняются «центру», как графы и бароны королю.

— политическая элита играет все большую роль в политической жизни. Демократические институты, созданные в Новое время, уже не могут остановить этот процесс.

Эстетику «Нового средневековья» можно наблюдать и в романах В.Г. Сорокина («День опричника», «Теллурия»). Литератор описывает мир, в котором будущая Россия отказалась от демократических ценностей в пользу монархии. В этом странном сюрреалистическом мире силовые структуры трансформировались в отряды опричников, а субъекты федерации — в вассальные княжества. Японский литератор И. Хэдзима в своей фантастической манге⁶ «Атака титанов» описывает борьбу людей, выживших после загадочной глобальной катастрофы, с титанами, антропоморфными существами, наделенными огромной силой и ростом, но не обладающими сознанием. Метафорическим образом И. Хэдзима показывает борьбу средневековья с ренессансом. Американский фантаст Дж. Мартин в знаменитом бестселлере «Песнь льда и пламени» также обращается к средневековой эстетике. В его художественной вселенной мы видим противостояние цивилизованных людей, построивших большую стену, с «одичалыми», т.е. варварами. Сам Дж. Мартин неоднократно признавался в том, что его вдохновила история строительства вала Адриана, защищавшего территорию Римской империи в Британии от народов Шотландии.

На этом я бы хотел закончить свой доклад, немного отойти в сторону от «Нового средневековья» и наконец-то обратиться к личности Николая Александровича Бердяева. С удовольствием передаю слово Татьяне Вячеславовне Марченко,

⁵ Ширинг Клиффорд (Shearing) — современный австралийский социолог, преподаватель школы социологии и криминалистики в университете города Гриффит (Griffith), Австралия. Специалист в области экологической политики и урбанистики. Автор таких работ, как «Новая структура полицейской деятельности: описание, концептуализация и программа исследований» (2001) и «Новое экологическое управление» (2012).

⁶ Манга (яп. 漫画, マンガ, manga) — жанр японских комиксов, активно стал развиваться после Второй мировой войны, часто позиционируется в современной культуре как вариант серьезной графической новеллы (автор текста и художник выступают в одном лице).

доктору филологических наук, заведующей отделом культуры российского зарубежья, куратору литературно-философских собраний «Отражения».

Т.В. Марченко

Спасибо большое! Мы действительно начали нетрадиционно, но Николай Игоревич очень удачно передал мне слово. Обычно мы начинаем наши собрания с того, что я с радостью демонстрирую новую книгу, которая вышла из недр нашего отдела, автором или публикатором которой является наш сотрудник. Удивительная традиция: что ни неделя, то собрание, а что ни собрание — то новая книга, а сотрудников-то всего семь человек. Работа — огромная: собрать материал, структурировать, откомментировать, проанализировать, — идет словно буквально «в недрах», когда интеллектуальными центрами становятся наши домашние компьютеры. Многих книг или серийных изданий мы ждем годами, на книгу уходит порой десятилетие, и отрадны такие урожайные годы, когда труды наконец воплощаются в книги. Вот мы дождались выхода второго тома собрания сочинений матери Марии [Мать Мария 2019]. Специально открываю его на странице, где изображены мать Мария, Николай Бердяев и о. Стефан Цанков. Наталья Владимировна Ликвинцева, составитель и автор комментариев, сама расскажет о письме, которое связывает ее героиню и героя сегодняшнего нашего вечера.

Я сейчас слушала Николая Игоревича и как литературовед, и как историк литературы русского зарубежья. Я никогда не думала ТАК о «Новом средневековье», но если о нем нужно подумать ТАК, то я тоже скажу пару слов до того, как внесу свою лепту по плану. Слушая про все это, подумала: «Как же! “Чертополох” генерала Краснова! [Краснов 1922]⁷. Наверное, это тогда же — в 1920-х гг.?». Проверила! Написано в 1921 г. До книги Бердяева. Там не лезут за вал Адриана, а отгораживаются непроходимой стеной чертополоха в своем мире, как сейчас говорят исследователи, ретро-традиционализма. Краснов оперирует не историческими понятиями, а фольклорными: «Это граница старой царской Московии. Куда ушла она теперь? И не сторожевые башни, не крепости и городки с ратными людьми охраняют ее, но густые заросли чертополоха, змеи и ядовитые мухи. В сказочное царство, духами охраняемое, в царство, где на стороже стоит чешуйчатый Змей-Горыныч, идти нужно с мечом-кладенцом, чтобы рубить ему головы» [Краснов 1922, С.54]. Устрашающий чертополох отгораживает национальный русский рай, где, разумеется, главное — не кокошники и сарафаны, а особое мироустройство: «В России <...> по Богу живут, по любви. И есть у нас Царь». Впрочем, лубок

⁷ Жанр этого сочинения весьма своеобразен, его можно определить как лубочную утопию. Иногда встречающееся определение «антиутопия» к книге Краснова никак не подходит, ибо он изображает идеал — Россию, отрезанную от остального мира и существующую как традиционалистская, патриархальная православно-монархическая община. Эту «Россию для русских» можно условно назвать идеализированным средневековьем, возвращением к временам феодализма, но без драматических черт этой формации. Судьба России в красновском романе изменилась после природных катаклизмов — засухи и голода — и страшной эпидемии. С карты мира Россия исчезла: «На карте, на месте бывшей Российской империи, теперь изображается черное пятно, и на нем красными буквами написано: “Чума”, — пишет Краснов. — Вот что говорит нам история. Громадное великое племя погибло бесследно. В мире считают, что Россия «вымерла и стала кишеть болезнетворными микробами».

Краснова слишком далеко уведет нас от метафизики Бердяева, и все же одновременность художественных и философских поисков русских эмигрантов в одном историко-культурном поле симптоматична.

Сейчас читаю «Рим, Неаполь и Флоренция» Стендаля. Поражаясь великим достижениям Италии в литературе, живописи, музыке, питающим всю европейскую культуру, французский писатель утверждает: «Этот божественный пламень зажжен был некогда свободой и героическими нравами средневековых республик» [Стендаль 1978, с. 7]. Очевидна не просто позитивная оценка творческого потенциала нации, раскрытого в средневековье, но восторженное преклонение перед средневековьем: это не темные, мрачные века, это аккумуляция творческих и интеллектуальных сил, это рассвет, вызревание нового, небывалого дня, сгусток необыкновенной энергии, время титанов с пламенными душами. Вдруг у Стендаля увидела удивительную, неожиданную для себя фразу о том, что, пожалуй, самое интересное, что было в человеческой истории, — это Средневековье. Не Возрождение, не Просвещение, а именно Средние века. Написано два столетия назад, но кем и в какое время? После Великой французской революции, после Наполеоновских войн, к которым писатель имел непосредственное отношение — с армией Наполеона он побывал и в Москве. То есть и он из тех, кто пережил «моменты роковые», взрыв в поступательном развитии истории, события страшные, трагические, изумительные. Стендаль — человек с очень перспективными взглядами, он видит очень далеко и назад, и вперед, и видит, кстати, нераздельность средневекового насилия и средневековых идеалов.

Верная своему предмету — литературе, я вам сейчас представлю одного поэта, голос которого мы с вами будем слушать. Это голос «оттуда», из русского Парижа. Как мы сейчас собрались с вами в доме на Таганке, так некогда в Кламаре, в доме Николая Бердяева, тоже собирались люди, дискутировали, общались, после войны ряды эмиграции так поредели, что живые встречи были необходимы как воздух, особенно со «старшими», их осталось совсем мало, они уходили: Бунин, Ремизов, Бердяев. Был такой поэт в русском зарубежье — Игорь Чиннов⁸. В некоторой части своих воспоминаний он говорит, что его причисляют к «поздней парижской ноте», и оспаривает это: «Какая же я поздняя парижская нота? Я вообще парижская нота». Я бы сказала, что он связан с акмеизмом, из которого и вышла парижская нота. Игорь Владимирович Чиннов родился в 1909 г. Из объятых революцией Санкт-Петербурга его родители перебрались в Ригу, откуда и были родом. Там будущий поэт благополучно окончил гимназию, затем — университет и стал юристом. Я опушу очень сложный период, когда Латвия входит в состав Советского Союза. Затем война (во время нацистской оккупации И.В. Чиннов оказался в концлагере). После освобождения ему удалось переехать в Париж, где он познакомился с теми самыми поэтами «парижской ноты» — уже очень немолодыми. Но и он уже не юноша, и потому легко вливается в их — не столько объединение, сколько поэтическое товарищество. Когда он уезжал из Старого Света в

⁸ Чиннов Игорь Владимирович (1909–1996) — русский поэт-эмигрант. Публиковался в журнале «Числа» (1933). Во время Второй мировой войны воевал в составе американской армии на территории Франции. Работал юристом.

Америку, почти никого из поэтов русского Монпарнаса уже не было в живых. А в 1991 г. Чиннов посетил Россию. Тут же попадает в профессиональные дружеские объятия директора Института мировой литературы им. Горького Феликса Фео-досьевича Кузнецова, дочь которого, Ольга Феликсовна, отправилась к И.В. Чиннову за океан, где он передал через нее в дар ИМЛИ свой архив (он хранится в Кабинете Игоря Чиннова), а потом помогла ему провести лето на подмосковной даче. Ее осенила блестящая, драгоценная мысль — записать на магнитофон то, что Чиннов может вспомнить и рассказать. О.Ф. Кузнецова не столько интервью-ировала, сколько направляла поток памяти Игоря Владимировича в то или иное русло. Человек другой эпохи и одновременно наш современник, он захаживал за-просто к Бердяеву (впрочем, его ввел Г.В. Адамович) и жил на даче под — тогда еще — Загорском. Абсолютно трезвая голова! Потрясающий русский язык! Ольга Феликсовна Кузнецова специально для нашего заседания оцифровала запись, су-ществовавшую до последнего времени только на аудиокассетах, и любезно предо-ставила нам для прослушивания. Игорь Чиннов говорит о Николае Бердяеве, с которым он встречался в 1946 г., — мы услышим его рассказ о русском философе, необычайно живом в этом живом рассказе⁹. Хочу вместо вводных слов прочитать стихотворение Игоря Владимировича, не лучшее, быть может, но более всего под-ходящее для сегодняшнего вечера¹⁰:

В металлический мир кибернетики
Мы входить не должны, не должны.
У весенней волны Адриатики
Мы возьмем голубые билетики
На концерт облаков и луны.

Я не очень люблю Аристотеля,
Больше верю в Творца Вседержителя,
Но боюсь (это грех или бред?),
Что в минуту решат вычислители
Все о Боге, о зле и добре.

Обо всех чудесах мироздания,
О неясном загробном свидании
И о том, почему и зачем
Мы в задумчиво-смутном волнении
На высокие звезды глядим.

А сейчас мы послушаем самого Игоря Владимировича. Я знакома с Ольгой Феликсовной, она — с Игорем Чинновым, а он — с Николаем Бердяевым. Два рукопожатия отделяют нас от героя нашего сегодняшнего собрания.

⁹ Мы выражаем глубокую признательность О.Ф. Кузнецовой за возможность процитировать устные воспоминания И.В. Чиннова, пока не опубликованные, в этом материале.

¹⁰ Стихотворение «Георгию Раевскому».

Из рассказа И.В. Чиннова:

«Над его домом развивался красный флаг. Каждое воскресенье в доме разные “коммунизы” говорили о том, что Сталин — душечка...»

«Николай Александрович был “коммунистом”, потому что большевики когда-то проповедовали социальную справедливость. Капитализм никогда такую справедливость не проповедовал».

«Мы, конечно, говорили о Боге и о свободе. Это был конек Николая Александровича. Свобода — не право, а обязанность человека. Человек как сын Божий (якобы созданный по образу и подобию Божьему) обязан о себе заявить...»

«Конечно, манеры... Он был аристократом. Со стороны матери — благородный род, который был в тесной связи с французскими королями. Едва ли не с Каролингами. Очень самовлюбленный человек! И потом он написал книгу о себе. Не помню, как она называется»¹¹.

«“Философия неравенства” — это была его лучшая книга».

«Его было лучше читать. У него был такой казус — <во время разговора> мог вылезти язык. Тогда он доставал снежный платок. Постепенно удалял платком свой язык. Говорил он гладко. И это была манера аристократа. Был, конечно, сноб! Как Г. Адамович, как Л.Н. Толстой! Он был очень уважаем! Особенно в англосаксонских странах. При нем всегда была Лидия Юдифовна. Из евреек. Очень элегантная женщина!»

«Принимал ли он участие в половой разнужданности? Этого я не знаю».

«Всегда черный пиджак, черный берет. Он очень рано начал лысеть. Серые, седые волосы спадали космами. Очень интересная наружность. Всегда одухотворенное лицо. Черный галстук бабочкой, как у художника. Белая рубашка. Вид у него был очень эффектный».

«Он был высоким! Многие русские философы имели вид непрезентабельный. И он один только щеголял эффектно!»

Т.В. Марченко

Хотела поблагодарить Наталью Владимировну, что напомнила: после смерти Лидии Юдифовны ее сестра продолжала жить у них в доме, помогать Николаю Александровичу, ухаживать за ним. Игорь Владимирович немного запутался. Конечно, имеется в виду Евгения Юдифовна¹². В целом — это то, что мы называем «голосом оттуда». Теперь Игорь Владимирович тоже присоединился своим голосом к нашему вечеру про Н.А. Бердяева. Николай Игоревич, вам слово!

Н.И. Герасимов

Огромная благодарность и вам, Татьяна Вячеславовна, и Ольге Феликсовне Кузнецовой за предоставленную возможность услышать такой чудесный рассказ, узнать такие нетривиальные факты о нашем сегодняшнем герое! Очень важно,

¹¹ Речь идет о книге Н.А. Бердяева «Самопознание. Опыт философской автобиографии» (1949).

¹² Рапп Евгения Юдифовна (урожд. Трушева; 1875–1960) — сестра Лидии Юдифовны Рапп (Трушевой), жены Н.А. Бердяева.

когда люди делятся материалами. Очень часто люди этого не делают! Говорят, что материалов нет и не будет. А тут есть! Можно!

Т.В. Марченко

И нужно!

Н.И. Герасимов

Да! И нужно! И это прекрасно! Как мы дальше построим нашу работу? Небольшая техническая ремарка: говорите, пожалуйста в микрофон. Ведется запись, и если будет какой-нибудь интересный комментарий, не хотелось бы его потерять. Сейчас хочу представить Анну Федоровну Макарову, научного сотрудника философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.Ф. Макарова

Спасибо! Я бы хотела поговорить об одной из ключевых категорий, которой пользуется Николай Александрович в своем «Новом средневековье» — об иерархии. Эта категория активно используется русским философом и в его более раннем произведении — «Философия неравенства». Надо сказать, что вообще многое, что есть в «Новом средневековье», было уже использовано в его более ранних работах по философии истории. Категории иерархии и анархии, космоса и хаоса в общественной жизни многократно рассматривались Бердяевым в послереволюционной публицистике, а в «Новом средневековье» философ повторил некоторые выводы — например тезис об иерархической природе власти: «Власть никогда не принадлежала и не может принадлежать большинству. Это противоречит природе власти. Власть имеет иерархическую природу и иерархическое строение» [Бердяев 1994, с. 434–435].

Кроме того, по мнению Н.А. Бердяева, в обществе неизбежно появление иерархии качеств, элит, неравенства — он однозначно отрицает продуктивность уравнилительной политики, низвергающей всякое неравенство и разрушающей аристократический принцип (и не столько аристократический, сколько меритократический). «Философия неравенства» написана в 1918 г. в советской России, но опубликована была в Берлине лишь в 1923 г., за год до «Нового средневековья».

Подчеркивая, что в XX в. уже невозможно проводить антииерархические, гуманистические и либерально-демократические идеи новой истории, Н.А. Бердяев не отказывает в иерархизме даже коммунистическому строю — впрочем, объявляет этот иерархизм «сатанократическим», в противовес которому должна выступить подлинная, онтологически обоснованная иерархия, которую называет «подлинной органической соборностью».

Одна из ключевых категорий всей философии Бердяева — личность — также является, согласно «Новому средневековью» и другим текстам этого периода, встроенной в органическую иерархию, и любая попытка ее атомизации ошибочна, разрушительна.

«Новое средневековье, как и старое, иерархично по своему строению», — пишет Бердяев, обосновывая неудачу Нового времени тягой к атомизму и антииерархизму [Там же, с. 431]. Сегодня услышала от вас, Татьяна Вячеславовна, слово-

сочетание «средневековая вольница». Средневековая вольница как понятие мне показалось интересным. Дело в том, что для Н.А. Бердяева вольница — это, скорее всего, некоторая форма атомизации, ведущая к хаосу. Средневековье как мир подлинной иерархии, наверное, вряд ли будет сочетаться с вольницей, но обязательно будет сочетаться с какой-то иной формой свободы. Кстати, армия, которую так не любил философ, по его мнению, тоже пронизана духом иерархизма, но уже особого — мистического иерархизма (этот термин заслуживает отдельного рассмотрения, отдельного разговора). Николай Бердяев, конечно же, жаждет не милитаризма, а аристократизма, свойственного средневековому сознанию. Власть должна быть в руках лучших. По мнению Николая Бердяева, аристократия существует всегда — либо в форме лжеаристократии (анархии и большевизма), либо в форме подлинного аристократизма. Мир «Нового средневековья» Н.А. Бердяева, на мой взгляд, не наступил — потому что не наступил мир подлинного иерархизма. Можно приводить много примеров, иллюстрирующих, что наш мир никак не связан со средневековьем, но позволю себе привести по крайней мере один факт. Движение суфражисток и феминисток в 1920-х гг. не прекратилось. Образ ночи в «Новом средневековье» связан с усилением женского начала в культуре. Можно было бы подумать, что вот — это и есть признак приближающейся ночи, но для Николая Бердяева женское начало вовсе не связано с демократизацией общества. Уравнение в правах женщин и мужчин — явление Нового времени. Не думаю, что Николай Бердяев действительно жаждал социальной справедливости, как говорил Игорь Чиннов. Скорее речь идет о минимальных гарантиях государства в области социальной политики. Самой идеи социальной справедливости Николай Бердяев, возможно, боялся, считая, что попытка ее воплощения приведет к очередной лжеаристократии. На этом я закончу. Передаю микрофон дальше!

Н.И. Герасимов

Юлия Федоровна Гришатова, аспирантка кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ю.Ф. Гришатова

Говоря о «Новом средневековье» Н.А. Бердяева, стоит сказать и о его трактовке Ренессанса. Проблема творчества в работах философа всегда была неотделима от проблемы религии. Секуляризация, таким образом, является тем, что отворачивает человека от творчества. Ведь именно в средневековом сознании присутствует та самая религиозность, благодаря которой возможен творческий акт. Тем не менее от самого понятия Ренессанса он не отказывается. Более того, он ждет появления нового христианского Ренессанса. Разделяет ли Бердяев Средние века и Возрождение? По-моему, нет. Два этих исторических и историософических понятия образуют целостность, которая противостоит новоевропейской культуре. Пожалуй, «Новое средневековье» — это как раз переходный этап к чему-то новому. Кстати, сам Николай Бердяев об этом и говорит, полагая, что за этой эпохой ночи следует какое-то новое христианское возрождение, углубление творческой интуиции человека в религиозном, мистическом. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Спасибо вам! Наверняка у многих уже возникли вопросы, но, как мне кажется, технически было бы лучше послушать выступления, а уже затем перейти к дискуссии! Наталья Владимировна! Я ведь вижу! У вас что-то подготовлено! Давайте я сперва вас представлю! Наталья Владимировна Ликвинцева, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья.

Н.В. Ликвинцева

Сегодня уже говорилось о вышедшем втором томе собрания сочинений матери Марии (Скобцовой). В связи с «Новым средневековьем» имеет смысл поговорить о Н.А. Бердяеве как о церковном человеке. В этом томе есть письмо Е.Ю. Скобцовой, будущей матери Марии, к Н.А. Бердяеву, написанное в 1929 г., еще до ее пострига, автограф которого хранится РГАЛИ (бердяевский фонд). Есть второе письмо, уже 1939 г., которое войдет в 4-й том, — в нем речь идет о заседании «Православного дела», на которое мать Мария приглашает Николая Александровича. Мне бы хотелось сказать несколько слов о Николае Бердяеве именно как об участнике «Православного дела», потому что у нас есть какое-то парадоксальное восприятие Николая Александровича как христианина: мы привыкли думать о нем как о церковном человеке, который очень гордился тем, что никогда не входил ни в какие сообщества. Вместе с тем именно через труды Николая Бердяева Запад во многом открыл для себя русское православие. Классический пример: Оливье Клеман¹³ признавался, что стал православным под влиянием книг Николая Бердяева. Позднее он даже написал о нем целую монографию, которая, к сожалению, так и не переведена у нас до сих пор на русский язык [Clement 1991]¹⁴.

При всей внутренней свободе Бердяева, которая не вписывалась ни в какие рамки, понимаемые как ограничения, экклезиологические идеи, изложенные в «Новом средневековье», описывают вполне социальный характер Церкви. Бердяев считал, что будущее — за небольшими неформальными объединениями, которые по-новому ставят вопрос о церковных границах. И одну такую неформальную организацию для себя Николай Бердяев все-таки нашел. Книга написана в 1924 г. В 1923 г. Бердяев уже присутствовал на первом, учредительном Пшеровском съезде Русского христианского студенческого движения. По воспоминаниям современников, именно речь Николая Бердяева тогда создала нечто цементирующее для РСХД. РСХД в свою очередь сыграло важнейшую роль в церковном движении русской эмиграции. Позднее, во второй половине 1930-х гг., Бердяев становится одним из самых активных участников «Православного дела», объединения, созданного матерью Марией (Скобцовой). Бердяев, кстати, и предложил название для этого социально-миссионерского проекта. В итоге получилась та самая небольшая неформальная организация — с одной стороны, чисто церковная, с другой — совершенно свободная. В нее вошли выдающиеся деятели и мыслители русской

¹³ Клеман Оливье (Clement; 1921–2009) — французский православный богослов, историк, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже.

¹⁴ В 211-м номере «Вестника РХД» появился перевод на русский небольшой главы из этой книги о Николае Бердяеве и Леоне Блуа.

эмиграции: историк Г.П. Федотов, философ Н.А. Бердяев, литературовед К.В. Мочульский, монахиня в миру, поэт и мыслитель мать Мария (Скобцова), богослов, прот. С. Булгаков. Их деятельность была в чем-то беспрецедентной. Представьте себе академиков и профессоров, которые бы сейчас стали заниматься «бомжами»: дают кров бездомным, организуют общежития и столовые для безработных и т.д. Участники «Православного дела» сразу акцентировали внимание русской диаспоры на том, что культурная деятельность немыслима без социальной. В «Новом средневековье» мы находим идею, что нужна новая общественность и новая религиозная культура. «Оцерковление» жизни — это то, что станет главным девизом РСХД. В рамках «Православного дела» происходило слияние социальной и культурной деятельности с религиозной. Другой, не менее важный момент — во всех манифестах матери Марии мы читаем, что «Православное дело» не является благотворительной организацией. Почему? Потому что для матери Марии благотворительность смыкается с тоталитаризмом — не видеть в человеке, которому ты помогаешь, живую личность (личность, как мы знаем, — центральное понятие философии Николая Бердяева). Что она имеет в виду? Вот ты помогаешь человеку, совершаешь некоторое благодеяние, «нумеруешь» его, затем переходишь к другому. Следующим логическим шагом в таком случае станет уже концентрационный лагерь. Нельзя подать кусок хлеба человеку, пока ты не увидишь в нем живую личность, образ Божий. Вот эта необычная организация становится тем самым христианским обществом, о котором мечтал Бердяев, той религиозной общностью, в которой он может быть православным, церковным христианином и в то же время оставаться совершенно свободным и творческим человеком, независимым мыслителем. Французская писательница и выдающийся философ XX в. Симона Вейль писала, что в наше время мир нуждается в новой святости, которая была бы гениальна, — нужны новые гениальные люди, новые гениальные святые. Сопряжение святости и гениального творчества — то, чего ждал Бердяев, работая над «Новым средневековьем». «Мир нуждается в святых, которые были бы гениальны, как город, в котором властвует чума, нуждается во врачах» [Weil 2005, p. 81]. Жажда такой творческой святости находит свое выражение и в истории русской эмиграции. Четверо участников «Православного дела», которых мы сейчас знаем как парижских мучеников¹⁵, были канонизированы. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Я представляю нашего следующего участника. Ксения Борисовна Ермишина, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья.

К.Б. Ермишина

Я занимаюсь евразийством много лет. Каждый выступающий сегодня будет говорить о Бердяеве и его книге исходя из своих научных интересов. Как специалист

¹⁵ Священник Димитрий Клепинин, монахиня Мария (Скобцова), ее сын Георгий (Юрий) Скобцов и Илья Фондаминский были канонизированы Константинопольской Православной Церковью в 2004 г. как мученики. Канонизация состоялась в Париже, в Александро-Невском соборе на улице Дарю.

по евразийству я вижу, что идеи движения, безусловно, пересекаются с концепцией Бердяева. Хочу отметить, что в своей книге Николай Александрович говорит о том, что невозможно вернуться назад в Средневековье, но можно создать Новое средневековье. Когда он работал над этим текстом, он вдохновлялся философией евразийцев. В частности, он ссылается на статью Н.С. Трубецкого «У дверей. Реакция? Революция?» [Трубецкой 1923]. Как и евразийцы, он стремился передать смысл катастрофы, которую переживал мир после Первой мировой войны. Позднее Бердяев разошелся с евразийцами — в том числе и по причине антикатолической риторики последних (дело не только в философии. Мы помним, что его супруга была католичкой). В книге «Новое средневековье» мы читаем: «Культура перестает быть европейской» [Бердяев 1994, с. 425]. Эта же идея была ранее озвучена в евразийском сборнике «Исход к Востоку» [Исход к Востоку 1921]¹⁶. Далее сказано: «Европа принуждена будет отказаться от того, чтобы быть монополистом культуры. Россия, стоящая в центре Востока и Запада, хотя страшным и катастрофическим путем, получает все более осязаемое мировое значение, становится в центре мирового внимания» [Бердяев 1994, с. 425]. Если задать любому специалисту по русской эмиграции вопрос: «Кто это написал? Евразийцы или Бердяев?» — то ответить ему будет непросто. Новое средневековье — это эпоха катастрофическая, эпоха разрушения проекта Просвещения, эпоха перемен. О разрушении проекта Просвещения и грядущей новой эпохе позднее много говорили постмодернисты. Мне кажется, что речь идет об одном и том же. Сегодня прозвучал тезис о том, что Новое средневековье не было построено. Я бы отметила, что его контуры все же были намечены. Семьдесят лет нечто, отдаленно похожее на Новое средневековье, все-таки существовало, например, в нашей стране. Советская модель модернового типа — это сложное соединение в гротескной форме старых (эпоха Просвещения с ее культом науки) и новых идей (новая социальная справедливость, марксизм в одежде ленинизма). Эпоха веры, о которой говорили Н.А. Бердяев и П.П. Сувчинский¹⁷, реализовалась, но была вывернута наизнанку. Вспомним псевдокульт Мавзолея, цитирование сочинений классиков марксизма-ленинизма как сакральных текстов и т.д. Псевдорелигиозность, безусловно, восторжествовала в СССР. Николай Бердяев предвидел, что мир вступит в эпоху Нового средневековья. В этом мире будет многое взято от эллинизма (сложное соединение элементов разных культур, торжество классического стиля в СССР). Но Бердяев, на мой взгляд, неточно указал границы реализации и распространения этого проекта. Новое средневековье было построено в СССР, а не в Европе и не во всем мире. Сейчас мы знаем, что человечество шло по пути построения двухполярного мира, условного противостояния Нового советского средневековья и модернизма, в недрах которого зрел постмодернизм Запада. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. это увидели и евразийцы. Для Н.С. Трубецкого такой поворот стал поводом для разочарования в евразийстве, которое он мыслил как новое слово, шанс для России уйти от попыток подражания европейским проектам как несостоятельным, не отвечающим требованиям времени и новым вызовам. П.Н. Савицкий,

¹⁶ «Исход к Востоку» — один из ключевых и главных сборников текстов евразийцев.

¹⁷ См. статью П.П. Сувчинского «Эпоха веры» в: [Исход к Востоку 1921, с. 14–27].

напротив, вдохновился советским проектом как воплощением, пусть искаженным, неполным, евразийства. Его не устраивала только псевдорелигиозность и советское варварство, которое заключалось в разрушении памятников архитектуры, в отказе от всей русской истории — одним словом, советский утопизм. Бердяев не увидел в СССР Нового средневековья, разве что в самых мрачных его проявлениях, хотя его позиция, как известно, изменилась после Второй мировой войны. Но важно подчеркнуть, что для Бердяева Новое средневековье было положительным опытом, попыткой покаяния, возвращения к истокам жизни, к смирению человека. Новое средневековье — попытка «перезапустить» историю, соединить технику, науку и религиозность. На мой взгляд, философ не совсем точно назвал свою книгу. Было бы правильнее назвать ее «Новым эллинизмом», понимая эллинизм как эпоху смешения стилей, форм, культур. Понятно, что от «сочного» названия он не смог бы отказаться, но если внимательно вчитаться в текст, то речь в нем идет скорее об эпохе, в большей степени имеющей сходство с эллинизмом, а не со Средневековьем. Важнейшим маркером Средневековья была нераздельность человека и мира природы, сама религиозность была включена в переживание мистерии природы. Эллинизм же стал попыткой выделить человека из лона природы. Потом эту попытку повторила эпоха Возрождения. Просвещение противопоставило природу и человека как врагов. В XX в. шел процесс становления цивилизации человека как над-природного существа. А новое смешение, новый псевдоэллинизм в виде постмодернизма утвердился в конце XX в. В этом смысле книга Умберто Эко, о которой упомянул Николай Герасимов, не столько пророческая (как у Бердяева), сколько описательная. Мы действительно живем во времена нового «Кентавра». Что будет дальше? Мы пока не знаем. Очевидно, что «Новое средневековье» — книга, которая актуальна сейчас как никогда. Ее актуальность заключается в силе пророческого прозрения, в дерзновении увидеть контуры грядущего. Сегодня мы опять стоим на пороге кризиса, на этот раз — проекта постмодернизма. Поэтому снова будут актуальны и значимы попытки увидеть контуры грядущего. В некотором роде мы ждем повторения книги Бердяева с учетом современных реалий. Спасибо за внимание!

Н.И. Герасимов

Олег Тимофеевич, у вас, вижу, назрели вопросы!

О.Т. Ермишин

Да.

Н.И. Герасимов

Давайте я вас представлю сперва! Олег Тимофеевич Ермишин, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья.

О.Т. Ермишин

Я бы хотел сделать такое существенное дополнение к тому, что уже было сказано. Мы сразу сегодня перешли к проблемам: иерархия, социальное неравенство, историософия и т.д. Я бы хотел вернуться к тексту. Уже в предисловии Николай

Бердяев пишет, что работа состоит из одной положительной части и двух критических. Соответственно, первая часть, положительная, так и называется — «Новое средневековье». Далее следуют «Размышление о русской революции» и «Демократия, социализм и теократия». Кстати, мы забыли еще, что у нашего ведущего в этом году вышла книга, которая так и называется: «Николай Бердяев». Я ее читал еще в первом, черновом варианте. По ней я составил ряд некоторых замечаний, и одно замечание было учтено. Я как раз указал, что вы, Николай, сделали акцент в главе про «Новое средневековье» на двух критических частях, но очень мало пишете про положительную, т.е. про само «Новое средневековье». Вы добавили новый абзац в готовый вариант. Позволю себе прочесть фрагмент, где как раз идет цитата, которую я привел в своем отзыве к вашей книге: «Человечество встретит “сверхрационализм средневекового типа”, когда “религия опять делается в высшей степени общим, всеобщим, всеопределяющим делом”, когда “труд должен быть понят как творчество”, а не как форма рабского служения технике. Новая религиозность станет отправной точкой в углублении и изменении личности, преодолении проблемы отпадения человека от Бога, характерной черты Ренессанса» [Герасимов 2019, с. 61].

Теперь я приступаю непосредственно к теме своего выступления. Я бы хотел сделать дополнение — обратить ваше внимание на то, что книга «Новое средневековье» имеет свой особый контекст. Я воспринимаю эту работу Николая Бердяева как часть трилогии. На мой взгляд, есть три текста философа, которые имеют особую смысловую связь. Первый текст — это статья «Предсмертные мысли Фауста», которая вышла еще в советской России в сборнике «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Статья является непосредственной реакцией Николая Бердяева на книгу О. Шпенглера «Закат Европы». Немецкого философа он, разумеется, не принимает и критикует. В каком-то смысле этот текст является своего рода эскизом, который требовал продолжения. После того как Бердяев оказался в Берлине, он публикует две книги. В первой, «Смысл истории», он предлагает альтернативную Шпенглеру историософскую концепцию. Бердяев говорит, что, нет, мировая история — не история отдельных культур и цивилизаций, а история человечества в целом. Христианство понимается им как мировой феномен, потому что в становлении христианской культуры участвует все человечество. Во второй книге, собственно «Новом средневековье», Бердяев уже обсуждает детали мировой истории. В ответ О. Шпенглеру говорит, что, да, есть история человечества, но также есть исторические ритмы. Эти ритмы — ритмы смены эпох. В качестве образца Бердяев выбирает конкретные эпохи: Античность и сменяющее Античность Средневековье. Кстати, в статье «Предсмертные мысли Фауста» 1922 г. в самом конце уже есть словосочетание «новое средневековье». На основании сказанного я связываю эти три текста («Предсмертные мысли Фауста», «Смысл истории», «Новое средневековье») в единую трилогию.

Еще хотел бы обратить ваше внимание на то, что Бердяев, хоть и критикует О. Шпенглера, но так же, как и его немецкий коллега, занимается прогнозами. Почему Шпенглер был так популярен? Потому что он дал ответ на вопрос, почему случилась Первая мировая война. Все культуры рано или поздно транс-

формируются в цивилизации, а срок жизни цивилизации — примерно 1000 лет. Европейская цивилизация, по его подсчетам, как раз и должна скоро прекратить свое существование. Бердяев делает другой прогноз. Он как бы говорит: «Нет, в истории, за исключением Страшного суда и Апокалипсиса, ничего просто так не заканчивается, истории свойственна незавершенность. В истории возможны новые формы культуры. Когда заканчивается одна эпоха, то наступает другая». Бердяев описывает некоторые черты этой грядущей новой эпохи. Я выявил две черты, о которых он пишет: религиозно-символическое сознание и христианская соборность. И теперь уже можно обсуждать его прогнозы. На мой взгляд, одни прогнозы сбылись, а другие не сбылись вообще (Н.А. Бердяев, кстати, менее радикален, чем О. Шпенглер). Эти прогнозы, если они кому-то интересны, кроме меня, можно было бы отдельно сегодня обсудить. Спасибо!

Т.В. Марченко

Мне так вообще — только это и интересно!

Н.И. Герасимов

Очень интересный взгляд на «Новое средневековье» как на часть трилогии. У меня, правда, есть вопрос. Вы же понимаете концепцию Н.А. Бердяева как ответ Шпенглеру, да?

О.Т. Ермишин

Скорее это какой-то импульс, после которого идет развитие мысли. Бердяев, разумеется, не всегда думает о Шпенглере, но этот первоначальный диалог в какой-то мере сохраняется.

Н.И. Герасимов

Я бы просто хотел провести некоторую черту. Есть действительно работы, которые написаны как ответ. Например, даже то же письмо Белинского к Гоголю! Или другой вариант: сочинение П.А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции», которое является ответом на «Основания этики» Г. Спенсера. «Новое средневековье» в этом смысле не является таким строгим ответом на чужое сочинение. Разве что это просто реакция...

О.Т. Ермишин

«Предсмертные мысли Фауста» — да, являются ответом. В статье он развивает свои критические мысли, но потом уже уходит от Шпенглера. В последующих сочинениях начинает уже вообще рассуждать о смысле истории. Вместе с тем все-таки первоначальный импульс все равно сохраняется.

А.Ф. Макарова

Раз мы стали говорить о прогнозах. У меня вопрос-реплика. Бердяев все-таки претендовал на империю. Империю мистическую, пророческую. Пророчество, собственно, не должно сбываться. Оно работает как предостережение. Если люди

не внимают словам, то наступает кара. На прогнозы, как мне кажется, он не претендовал, а вот на пророчество — вполне. Другая реплика про звучавший сегодня тезис Ксении Борисовны, что это Новое средневековье было построено. Меня это зацепило, потому что Бердяев говорит, что это все не механическим образом происходит, а органическим. Ритмы и циклы, о которых говорил Олег Тимофеевич, происходят лишь потому, что мир лежит во зле. В мире существует власть. В какой-то момент власть перестает быть светоносной. Людская масса в конце концов уничтожает порядок. Почему? Потому что эти самые законы смены эпох присутствуют не в объективной истории, а в самой природе человека.

О.Т. Ермишин

Индивидуализм, о котором говорит и Николай Бердяев, и У. Эко, все же остается! Не происходит эта самая смена.

Н.И. Герасимов

У. Эко, скорее, имел в виду, что у нас уже есть какие-то элементы, благодаря которым мы можем построить Средневековье, а для Бердяева: «Ну мало ли что у нас есть?» У нас, кстати, новость! Пришла Анастасия Георгиевна Гачева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, главный библиотекарь Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова. И еще: предлагаю выйти за границы нашего изолированного круглого стола и дать возможность высказаться людям в зале. Вижу, что есть вопрос!

Из зала

У меня два коротких вопроса. Почему И.А. Ильин называл Н.А. Бердяева «беллибердяевым»? В книге С.Ю. Куняева «Любовь, исполненная зла» говорится, что Н.А. Бердяев входил в кружок любителей Гафиза. Что это была за группа, что это был за кружок?¹⁸

¹⁸ Кружок «Друзья Гафиза» собирался в «Башне» у Вяч. Иванова. Участниками «вечеров» были, помимо Вяч. Иванова, его жена Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Н.А. Бердяев с женой Лидией Юдифовной, М. Кузмин, художники К. Сомов и Л. Бакст, В. Нувель и др. Каждый из участников имел прозвище, которым его называли в этом обществе. Иванов именовался Гиперион или Эль-Руми, Зиновьева-Аннибал — Диотима, Бердяев — Соломон, Кузмин — Антиной или Харикл, Сомов — Аладин, Нувель — Петроний, Корсар или Repouveau, Бакст — Апеллес, Городецкий — Зэйн или Гермес, Ауслендер — Ганимед. Этот круг участников изображен в стихотворении Иванова «Друзьям Гафиза» с подзаголовком: «Вечеря вторая. 8 мая 1906 г. в Петробагдаде. Встреча гостей»:

Ты, Антиной-Харикл, и ты, о Диотима,
И ты, утонченный скучающего Рима —
Петроний, иль Корсар, и ты, Ассаргадон,
Иль мудрых демонов начальник — Соломон,
И ты, мой Аладин, — со мной, Гиперионом,
Дервишем Эль-Руми, — почтишь гостей поклоном!

Друзья-избранники, внимлите: пусть измена
Ничья не омрачит священных сих трапез!
Храните тайну их! — Ты, Муза-Мельпомена,

О.Т. Ермишин

По второму вопросу я ничего не смогу ответить, но могу по первому. Термин «белибердяевщина» был придуман не И.А. Ильным, а Г.Г. Шпетом в 1912 г. в Москве. Это объясняется просто: Г.Г. Шпет был поклонником феноменологии Э. Гуссерля, а у Э. Гуссерля был целый проект философии как строгой науки. Для Г.Г. Шпета философия существовала именно как наука, а всякие свободные размышления — для него что-то вроде развлечения, не более. Потом это понятие использовал уже кто угодно...

Н.И. Герасимов

В РСХД даже!

О.Т. Ермишин

Придумал это все не И.А. Ильин.

Н.И. Герасимов

Стоит заметить, что и отношения между Н.А. Бердяевы и И.А. Ильным были не лучшими.

О.Т. Ермишин

У И.А. Ильина вообще мало с кем были хорошие отношения.

Н.И. Герасимов

Соглашусь!

О.Т. Ермишин

Единственное исключение — литератор И.С. Шмелев, пожалуй. Со всеми остальными он как-то мало ладил. Ну, с женой еще более-менее отношения, да...

Н.И. Герасимов

Передаю слово Анастасии Георгиевне Гачевой!

А.Г. Гачева

Мы сегодня с Ксенией Борисовной Ермишиной были в Исторической библиотеке, где в рамках Чертковских чтений шел разговор, от которого очень хорошо перейти к бердяевскому «Новому средневековью». Я имею в виду только что завершившийся круглый стол под названием «Идея царской власти и христианской политики в русской культуре XIX–XX вв. (К 190-летию со дня рождения

Ты, кравчий Ганимед, стремительный Гермес,
И ты, кто кистию свободной и широкой
Умешь приманить — художник быстроокий —
К обманным гроздиям пернатых, — Апеллес!

[Иванов 1971, с. 10]

Н.Ф. Федорова)». О чем мы там говорили? О том, что русские писатели и мыслители выстраивали аксиологию институтов власти, культуры и общества, мысля историю не как избывание времени, не как пространство спасения только личного (мысль в стиле Константина Леонтьева, который не допускал для человечества никакого общего дела), а как поприще соборного дела и творчества. Так было у Чаадаева и славянофилов, у Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева, у деятелей русского религиозно-философского возрождения начала XX в., наконец, у философов русского зарубежья, которые стремились «выправить» историю, повернуть ее на Божьи пути. И вот главный вопрос: как мыслили они этот поворот — как некое внешнее действие, когда человеком манипулируют (модель «великого инквизитора»), когда его хватают за шкуру и ведут (в том числе и насильно) к раю на земле (именно так поступал большевизм), или как следствие свободного, ответственного, личностного выбора, когда человек объединяется с другими людьми и действует с ними совместно, исполняя евангельский закон любви и жертвы?

Именно на этом свободном, ответственном, благом выборе личности была построена и идея «общества по типу Троицы» Н.Ф. Федорова, и концепция «нашего русского социализма» Ф.М. Достоевского, а потом модель христианского социализма С.Н. Булгакова. И именно в этой логике совершеннолетней ответственности, творчества и любви создана концепция «Нового средневековья» Николая Бердяева. В отличие от ориентации на внешнюю власть и «сильную руку», которая возьмет и приведет человека в счастливое будущее, у Бердяева мы наблюдаем активность личности и ответственность общества. Собственно, еще в 1860-х гг. И.С. Аксаков одним из первых заговорил об обществе как «третьей силе», стоящей между народом и властью, от самоопределения и активности которой по-настоящему и зависит будущее России. И вторая половина XIX в. в лице Достоевского, Федорова, Владимира Соловьева вырабатывает модели движения социума от несовершеннолетия к совершеннолетию. «Новое средневековье» — попытка воззвать к внутренней ответственности человека, которому дана заповедь о совершенстве («Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» — Мф. 5, 48). Н.А. Бердяев это делает после «Философии неравенства», сочинения, которое было откликом на революционный разгул, на ужас Гражданской войны, на неправду братоубийства, когда история в каком-то смысле, если не «провалилась», то откатилась назад. И вот неожиданно он выступает с совершенно утопическим христианским проектом, ориентируя своих современников на то, чтобы начать двигаться в сторону «выправления» жизни, реабилитации истории. Это было очень смелым решением!

При этом само понимание христианства в «Новом средневековье» персоналистично и космично одновременно. Церковь трактуется здесь в духе Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева. Это не только совершенный социум, где правда личности примирена с правдой общежития, где царствует «неслиянность»-«нераздельность», где любовь и благое действие являются основой развития соборного целого. Это и преображенная, обоженная природа, в которой преодолены смерть и рознь. В «Новом средневековье», где звучит образ Церкви как «охристовленного космоса», явственна переключка с идеями В.Н. Муравьева, который общался с Бердяевым еще в период Вольной академии духовной культуры. Церковь — это не институт, а новый

строй бытия, новый строй мироздания, который создается соборными усилиями личностей в процессе истории. Когда Бердяев пишет о новой педагогике, новой политике, новой экономике, новой культуре и т.д., он следует принципу не отторжения, а преображения, обращения зла в добро: все, что создано для бытия, все, что «начало быть», должно быть не отброшено, а просветлено.

«Новое средневековье» — великая книга надежды! И мы не случайно сегодня к ней возвращаемся. В ней есть подлинная вера в человека, в его личностный и творческий рост, в его способность к совершеннолетию и ответственности за бытие, вера в то, что он призван к богочеловечности, к сотрудничеству с Богом, к тому, чтобы быть сотворцом. Этот текст очень важен. Каждый, кто занимается современными философскими исследованиями, понимает, что мы здесь находимся в ситуации полного духовного мрака. Христианство как одушевляющая, творческая сила мира, как то, что Тейяр де Шарден называл аксиологической осью развития, «мотором эволюции», выброшено из современного философского дискурса и активно выбрасывается из культуры — нигде вы не встретите понимания человека как со-работника Творца. Церковь воспринимается исключительно как застывший, окостеневший институт, как инстанция мракобесия, обскурантизма и подавления человеческой свободы. А Бердяев видит в Церкви творческую силу мира и силу истории: «Церковь должна перейти от по преимуществу храмового своего периода к космическому периоду, к преображению полноты жизни. <...> Она по-новому должна стать всем, силой преображающей и просветляющей всю жизнь изнутри» [Бердяев 1994, с. 431].

В 1920-х гг. русская религиозная философия пыталась найти третий путь — путь христианского, соборного действия — между большевизмом, который узурпировал идею активности человека в истории, развернув ее в безрелигиозном, прометеистическом ключе, и концепцией краха истории Константина Леонтьева, для которого противоречивый, греховный, самостный человек не способен создать на земле никакого совершенного строя. Разумеется, каков человек — такова и история. Но для Бердяева, Булгакова, других деятелей русской активно-христианской мысли это не означает глобального пессимизма, напротив — это означает, что возможна умоперемена, что человек, обладающей свободой и совестью, может повернуться на Божьи пути, и тогда история розни и противостояния станет историей, как сказал бы Федоров, братотворения, «работой спасения». Просто представьте себе то состояние мира, в котором высказывали они эти идеи. Это же было настоящее «юродство проповеди», настоящий подвиг. В СССР красный террор, борьба с церковью и инакомыслием, в Европе растет национализм и фашизм. Мир стремительно движется от Первой мировой войны ко Второй. А небольшая горстка людей настойчиво призывает отречься от дробностей атеистического социализма, от всех других дробностей и выйти к тому, что современник Бердяева философ Николай Сетницкий¹⁹ называл «целостным идеалом». «Новое средневековье» — литературный памятник этому целостному идеалу.

¹⁹ Сетницкий Николай Александрович (1888–1937) — философ и экономист, представитель русского космизма. Во время учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета находился под влиянием идей Л.И. Петражицкого. С 1918 г. философское творчество С.Н. Сетницкого, считавшего себя

Сейчас в мире торжествуют другие дробности — трансгуманизм²⁰, который стремится победить смерть на технологических, безрелигиозных путях, построить рай на земле в совершенно большевистском смысле этого слова, и постгуманизм²¹, который отрицает уникальность такого явления в мире, как человек, уравнивая его с «плесенью» и «тараканом», подчеркивая его вредоносность для бытия. «Новое средневековье» отстаивает идеалы христианского гуманизма, реабилитируя человека как вершинное создание Творца и одновременно задавая ему перспективу общего дела, перспективу обожения себя и мира. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Сегодня мы много говорим об идеях, но я бы хотел обратить внимание на формальную сторону книги. Наверное, ни для кого не секрет, что «Новое средневековье» уже в 1924 г. многими воспринималось как своеобразное литературное эссе. Возникает вопрос: можно ли считать его философским текстом, можно ли объяснить успех книги формой, которую выбрал Бердяев для изложения своих идей? Сегодня уже шла речь о Э. Гуссерле и Г.Г. Шпете. «Нозма»²² и «ноэза»²³ — сложные для нефилософа термины, а терминология Бердяева, хоть и во многом художественная, все-таки более демократична по отношению к читателю.

А.Г. Гачева

Можно, я тогда скажу два слова по поводу формы?

Н.И. Герасимов

Конечно!

последователем и продолжателем «Философии общего дела» Федорова, развивалось в русле традиций русского космизма. В 1925–1935 гг. Сетницкий жил в Харбине, работал в Экономическом бюро КВЖД, преподавал на юридическом факультете. В 1935 г. вернулся в Москву, был арестован и расстрелян. Автор таких философских работ, как «Статистика, литература и поэзия. К вопросу о плане исследования» (1922) и «О конечном идеале» (1932).

²⁰ Трансгуманизм (от *лат. trans* — сквозь, через, за и *homo* — человек) — философская концепция, предполагающая целесообразным использование всех современных технологий для улучшения умственных и физических способностей человека. Трансгуманизм в современном мире поддерживается многими общественными движениями (например, радикальным крылом либертарианцев). Впервые термин встречается в работе эволюционного биолога Дж. Хаксли «Религия без откровения» (1927). Как философская концепция трансгуманизм стал развиваться в 1990-х гг. в работах Н. Бострона и Д. Пирса.

²¹ Постгуманизм — условное обозначение современных философских концепций, предполагающих борьбу с современным антропоцентризмом в области науки и культуры. Постгуманизм выступает против иерархического представления о мире, в котором человек есть привилегированный субъект бытия, наделенный особыми свойствами (одушевленность, наличие сознания, «верховенство» в эволюционной структуре организации живого и т.д.). К одним из авторитетных теоретиков постгуманизма относят итало-австралийскую феминистку и профессора философии Австралийского национального университета Розы Брайдотти. В своих работах «Постчеловек» (2013) и «Постчеловеческий феминизм» (2017) Розы Брайдотти обобщает всю существующую критику антропоцентризма в современных философских исследованиях.

²² Нозма (*греч. νόημα* — мысль; прил. нозматический) — специальный философский термин в феноменологии, означающий «представленность предмета в сознании» (термин введен Э. Гуссерлем).

²³ Ноэза (*греч. νόησις* — мышление; прил. ноэтический) — специальный философский термин в феноменологии, означающий «реальное содержание сознания» (термин введен Э. Гуссерлем).

А.Г. Гачева

Николай Бердяев не сам все это придумал. Русская философия, выросшая из духа русской литературы, всегда тяготела к художественным формам высказывания. Неслучайно в Европе самым известным и ярким русским философом считают Ф.М. Достоевского. Вспомните первый русский философский роман — «Русские ночи» В.Ф. Одоевского с его философскими диалогами и вставными новеллами, вспомните буквально следующие им по форме «Три разговора» В.С. Соловьева с «Краткой повестью об антихристе» или знаменитые диалоги «На пиру богов (Pro et contra)» С.Н. Булгакова. Традиция синтеза литературы и философии в русской мысли уже была, и Николай Бердяев просто ей следовал.

О.Т. Ермишин

Николай, вы в своей книге, надо сказать, уже даёте ответ на этот вопрос, но конечно нужно вспомнить Л.И. Шестова, в сочинениях которого (еще до эмиграции) лучше всего закрепляется взгляд на литературу с философской точки зрения. Николай Бердяев не сразу научился этому стилю. Если почитать его ранние труды (например, «Новое религиозное сознание и общественность»), то мы увидим, что, с одной стороны, да, это уже не научный стиль, с другой — не то, что мы читаем в его эмигрантских сочинениях. В «Философии свободы» он продолжает работать все в той же форме, а вот уже «Смысл творчества» он пишет легко, на одном дыхании. Другими словами, Бердяев прошел некоторый путь к той форме изложения мыслей, которую мы видим в «Новом средневековье».

Н.И. Герасимов

Я бы хотел передать слово Марине Анатольевне!

М.А. Васильева

Сложный вопрос: кто первый использовал термин «Новое средневековье»? В работах медиевиста и филолога П.М. Бицилли это понятие встречается уже в 1917 г. [Бицилли 1917]. До этого он говорит о социализме в контексте его работ по медиевистике, посвященных Италии. Сейчас мы уже обращаемся к самому понятию «Средневековье». Средневековье — это все-таки «middle» или «dark»?.. На мой взгляд, эта проблематика начала разрабатываться у нас с петербургской школы медиевистики И.М. Гревса в оптике изучения итальянских коммун (отсюда сочетание интереса к Средним векам и социализму). Другое дело, что П.М. Бицилли в «Основах социализма» трактует термин «новое средневековье» совершенно по-другому. Я бы даже сказала, что диаметрально противоположно Н.А. Бердяеву, но это, понимаю, уже совсем другая тема...

Н.И. Герасимов

Я бы хотел признаться. Я «подставил» двух моих коллег. Они сегодня сюда пришли как гости-слушатели, но я в последний момент настоял на их участии в качестве выступающих. Виктор Владимирович, когда мы с вами еще вместе учились, то немного по-разному читали «Новое средневековье» Н.А. Бердяева. Я как

философ, а вы как религиовед. Как вы сейчас оцениваете бердяевскую концепцию?

В.В. Барашков

Профессионально Н.А. Бердяевым не занимаюсь. Область моих научных интересов — отражение религии в искусстве (в том числе и в современном). Безусловно, когда я преподаю своим студентам философию культуры, то «Новое средневековье» мы никогда не обходим стороной. Это действительно важный текст. Дополню сегодняшние выступления и напомним, что у Н.А. Бердяева есть еще и работы по религии и искусству! В том числе и по творчеству П. Пикассо. На мой взгляд, целый ряд сочинений, среди которых и «Новое средневековье», определил критический взгляд на современное искусство. Разумеется, не в плане обозначения какой-то катастрофы, а как то, что сигнализирует о внутренних проблемах общества. Здесь Н.А. Бердяев не одинок. Достаточно вспомнить работу его современника В.В. Вейдле «Умирание искусства» (1937). К искусству Возрождения Н.А. Бердяев относился положительно, но считал, что оно транслирует сугубо телесную, физическую красоту. Хотя та же живопись Ренессанса отражает красоту как таковую, не следует ее воспринимать как нечто прогрессивное по отношению к живописи Средних веков. Недавно в Москве, в ГМИИ им. Пушкина выставлялись работы П. Пикассо. Когда Н.А. Бердяев был на выставке его картин, то, если верить историкам философии, испытал чувство глубокого ужаса. Интересно, современные посетителя пушкинского музея тоже испытывали то самое чувство глубокого ужаса? Мне кажется, что нет. Вообще, «Новое средневековье» вызывает интерес именно с критической точки зрения, сам образ возможного будущего, на мой взгляд, абсолютно не вытекает из современности. Спасибо!

Н.И. Герасимов

Друзья, у нас остается мало времени. Давид Соломонович, вы занимаетесь весьма сложной темой «Психоанализ и религия». Какое у вас мнение о «Новом средневековье» Н.А. Бердяева?

Д.С. Дамте

Наверное, я бы хотел воздержаться от слов, потому что, да, специально не готовился, а сегодня и так было много сказано интересного. Лучше поделюсь впечатлениями после всего услышанного. Когда я перечитывал «Новое средневековье», то тоже обратил внимание на удивительную гармонию между литературной формой произведения и концептуальным аппаратом, который предлагает Н.А. Бердяев. Вопрос о будущем — отдельная проблема, но важно, что изложенные в сочинении идеи, как мы сегодня видим на примере этого круглого стола, не оставляют людей равнодушными. Одно только это говорит в пользу актуальности «Нового средневековья».

Н.И. Герасимов

Вынужден передать микрофон тем, кто очень хочет высказаться.

Ю.Ф. Гришатова

Я постараюсь очень коротко. Хочу дополнить сегодняшние рассуждения о «средневековье» Н.А. Бердяева как духовной соборности. Бердяевская концепция предполагает высокоразвитую личность. Недаром он обращает внимание на ключевые социальные образы средневекового мира: монах и рыцарь. Речь идет о своеобразных «духовных» латах личности, своего рода системе защиты от дегуманизации.

Из зала

Хотелось бы сделать некоторую ремарку. Н.А. Бердяев как представитель религиозной философии предостерегает нас от соблазна социализма, от этой ложной формы коллективности.

Н.И. Герасимов

Социализм для Н.А. Бердяева — это не что-то монолитное. Он совершенно справедливо разделяет социал-демократию, марксизм, философию К. Маркса и большевиков. Для него это совершенно разные понятия, часто абсолютно не сочетающиеся друг с другом, а иногда даже по смыслу диаметрально противоположные. С социализмом у него очень сложные отношения. «Новое средневековье» — хороший тому пример! К сожалению, вынужден сказать, что нам придется завершить сегодняшний круглый стол. Отведенное время закончилось. Огромная благодарность всем, кто сегодня выступал, кто высказывал мнение, дискутировал, спорил. Мне кажется, Н.А. Бердяев был бы рад тому, что сегодня мы поговорили и о нем, и о его книге, и об идеях, которые лежат в основе не только отдельно взятой книги, но и его творчества в целом. Спасибо большое всем!

Послесловие

В день, когда проходил круглый стол, и участники, и организаторы еще не знали о надвигающейся эпидемии вируса COVID-19. Сам замысел этого вечера, разумеется, не был связан с каким-либо эсхатологическим настроением в кругу сообщества профессиональных гуманитариев. Вместе с тем у читателя этого текста может вполне обоснованно возникнуть мысль о странном совпадении — проводить круглый стол о книге, наполненной эсхатологическими идеями, и о философе, рассуждавшем о грядущем крушении старого порядка вещей, накануне мировой пандемии. Данное совпадение говорит лишь о том, что философия Н.А. Бердяева до сих пор актуальна — она отражает и то, что происходит в мире, и то, как люди переживают происходящие события, и то, как они, возможно, предчувствуют будущее.